

ВЛАДИМИР КАРПОВ

КОЛОННА 23, ИЛИ ПРОЧЕРК В ИСТОРИИ

Есть воины, которые прошли Афган, есть – Таджикистан, есть – Закавказье или Чечню. Полковник Александр Петрачёв прошёл всё. Тридцать лет в спецназе! Восемнадцать из них – на войнах. При том, что страна, в общем-то, значительную часть этого времени жила мирно, без видимого врага. Сколько раз, что называется, заглядывал в лицо смерти! Сколько потерял товарищей! Сколько жуткого, страшного довелось пережить! Но, удивительно, при встречах, испив горькой, он чаще всего заводит речь не о том, как воевал, а о том, как в 1992 году выводил воинскую часть из Закавказья: колонну 23. Последнюю из числа 10-й гвардейской мотострелковой Печенгской дважды Краснознаменной, орденов Александра Невского и Красной Звезды дивизии, дислоцировавшейся в Ахалцихе.

– Напиши книгу, – говорит он мне. – Или сценарий: сегодня офицер, майор, поднимает рог с вином, произносит красивый грузинский тост за дружбу, за братство народов, а завтра тот же человек приходит с бандитами мародёрствовать!

Я лишь время спустя понял, почему его “клинит” именно это: да потому что в том же Афгане воины вели себя, как подобает воинам. А противник – как достойный противник. Здесь же, когда российским войскам пришлось покинуть земли, которые в одночасье стали территориями другого государства, поразило предательство тех, кто ни под каким предлогом предавать бы не должен, крушение воинских основ и одного из самых крепких советских мифов о “нерушимом единстве наших народов”.

– Это было! – спустя более двух десятков лет не перестаёт удивляться полковник. – Майор у меня, грузин, поднимал тосты, клялся в дружбе! Вдруг приказ командования: передать оружие и технику местным властям: танки, пулемёты, патроны! А часть должна передислоцироваться в Россию. Первый заместитель командира дивизии – я был просто “заместитель”, а он “первый” – белорус, собрал вещи и улетел. Я, говорит, теперь гражданин другого государства! Что верно! Командира дивизии, генерала, увезли в тяжёлом состоянии в больницу. Хороший был мужик, настоящий командир! Генерал майор Воронин Алексей Владимирович. Запомни это имя – герой! Кроме того, что оружие надо передать, нужно было передать секретную технику связи. Воронин вызывает меня, говорит: нельзя передавать! Всё будет завтра же в Америку продано: секретные шифры, коды. А это – обезоруженная армия! Ракеты, подлодки можно сразу на металлолом отправлять! Решили тайком вывезти в Россию. – Полковник Петрачёв берёт лист бумаги, чертит карту расположения дивизии и уходящих от него дорог. – Выезжаем ночью, едем. Здесь перешеек, не свернёшь – нас встречают автоматчики! Что такое? Разворачиваемся: мы же на территории Грузии. Ладно. Снова тайно пробуем

выехать другой дорогой — снова на пути автоматчики. В третий раз... Ага, понимаем, это случайностью быть не может. Завелась крыса. А у меня среди грузин в руководстве района был хороший приятель: мать — русская, отец — грузин. Я с ним встретился, так, мол, и так. Он понял, чем это грозит — передача секретной информации на Запад, — причём не только для России, но и для Грузии тоже. Хорошо, говорит, узнаю. Снова встречаемся, он вытаскивает салфетку, а на ней чертёж: путь, по которому мы собираемся ехать... Я смотрю, почерк замкомдива по вооружению! Мне же с его бумагами приходилось работать, почерк знаю. “И много ему отвалили?” — спрашиваю. “Да ничего”, — смеётся. Пообещали за ним “уазик” оставить, который он грузинской армии должен передать. Я понял: этот замкомдива был охотник, заядлый. А “уазик” — новый. Он на нём на охоту ездил. Соблазнился. Прихожу к командиру части, выкладываю перед ним салфетку. Кто там из композиторов ноты на салфетке писал? Такой вот “композитор”. Что делать, спрашиваю, будем? Обиженных в части много: недавно у одного лейтенанта жену на улице изнасиловали. Скажи — крысу порешит, не охнет! А генерал человек такой был, сдержанный, суровый, честный очень. Нет, говорит, грех на душу брать не будем. Пусть живёт. Тут же звонит, чтобы вызвали начальника штаба. Тот приходит. Командир кладёт перед ним листочек: “Твоё сочинение?” Ну, а там бесполезно отказываться. “У тебя документы с собой?” — генерал спрашивает. А мы все документы с собой носили. Он вытаскивает, показывает. “Деньги есть?” Тоже показывает. Генерал говорит: “Этого хватит, чтобы уехать. Вот сейчас выходишь и, никуда не заходя, не сворачивая, идёшь на трассу и уезжаешь. Если куда-то завернёшь, зайдёшь, пеняй на себя”. И вот он вышел и пошёл. Мы так в окно посмотрели — ушёл. Я говорю, может, кого-то послать, чтобы проследили. “Не надо, — отвечает, — никуда не свернёт”. А тут снова начальство наседает: что вы тянете, танки должны передать! Грузины приехали — почему не передаёте?! А как раз грузино-абхазский конфликт начался. Командир говорит: “Передадим танки — девяносто единиц — rasterзуют Абхазию и людей подавят! Нельзя передавать!”

В моей небольшой статье не место выявлять причинно-следственную связь грузино-абхазского конфликта 1992–1993 годов. Приведу лишь очень простую и ясную историческую оценку тех событий экс-министра безопасности Грузии Игоря Гиоргадзе: *“Под угрозой оказалась власть Шеварднадзе в Тбилиси, и он принял решение о вводе войск — под предлогом охраны транспортных коммуникаций — в Абхазию. Практически это была отмашка на войну. Это сегодня он сидит у экранов и глубокомысленно заявляет, что его приказ был неправильно приведён в исполнение. Ну, а как <он> должен был быть приведён в исполнение, когда было приказано всю бронетехнику, всё, что у нас было, — а у нас не было армии, у нас был сброд, — ввести в Абхазию. Что он ожидал — что это будет миротворческая миссия? Он прекрасно знал, что там начнётся стрельба, резня, бойня — и он сознательно пошёл <на это>, переведя все стрелки на Абхазию”*.

— Командир сказал: “Нельзя передавать”. Но передавать-то их надо будет... Это же решение командования! Вызываю командира танкового батальона. Мы, — говорю, — должны танки грузинам передать в технически исправном состоянии. А они у нас неисправные. Нужно ставить на ремонт. — “Понял, — отвечает. — Танки на ремонте...” А мы тем временем, что мы придумали? — снова склоняется к своему чертежу полковник Петрачёв. — Вот все дороги идут в Россию, а эта — от России. В сторону Абхазии. И по этой дороге мы успешно переправили технику связи. Сели с устатку — все же на нервах, — выпили. Разошлись по квартирам. Среди ночи ко мне стук, — а все офицеры спали с оружием. Автомат кладёшь рядом, гранату, пистолет под подушку. Я вскакиваю, слышу голос генерала за дверью. Открываю, а он вваливается — весь в кровище! Ночью в форточку к нему залезли. Он, вымотанный, заснул, не слышал. Подушку на него накинули. И били. В госпиталь увезли, оказалось, все ребра переломаны. Всё отбито. Инвалидом стал. Хоть потом ещё служил, но уже недолго. Скончался.

Я долго искал в интернете информацию о генерале Воронине Алексее Владимировиче, который ценою жизни, вопреки глобальной исторической диверсии, спасал “военную тайну” России. Спасал Абхазию с её народом. Нет упоминаний. То есть — совсем! Для нашего времени “неучтённый” рядовой — нереальность! А не значащийся в списках генерал?! Я уж усомнился, думаю, запамятовал имя Петрачёв — жизнь-то какая была! Встретился

с заместителем командира танкового полка “десятки” Савцовым Вячеславом. Всё верно, подтвердил бывший танкист: Воронин Алексей Владимирович. Именно так: ни танки, ни секретную технику не передавал.

Имена командиров, возглавлявших дивизию в годы ВОВ, — известны, указаны во многих источниках. А командира в 1992-м, согласно Вселенской паутине, как бы не существовало. Кому генерал Алексей Воронин так насолил, что информация о нём изъята?! Более того: был распущен слух, будто командира “десятки” избили офицеры его дивизии. Сплетня была мастерски “ретуширована” под анекдот: вернулся, мол, “полковник” (в анекдоте комдива понизили в звании) домой, а в окно к нему влезают “слоники” — офицеры в противогазах, едва спасла жена, подоспевшая с рынка... Петрачёву предали этот “анекдот” много лет спустя, но он до сих пор взрывается от недоумения: “Какой “полковник”?! Он генерал-майором был! Какая “жена с рынка”?! Жена давно была отправлена. Он ко мне в три-четыре часа ночи пришёл! Вес в кровиче! Грузины его изуродовали за то, что он оружие не отдавал! Без всяких противогазов! Не таясь! Чтобы знал, кто и за что!”

Так что, как сейчас принято говорить, “работали профессионалы”, позаботившиеся о том, чтобы устранить фигуру по всем параметрам: как человека, от которого зависело решение, как имя, которое должно принадлежать истории.

Россия генерала Алексея Владимировича Воронина обязана помнить! И абхазам надо бы знать и чтить командира дивизии, не позволившего растерзать народ танками! И грузины — не те, о которых говорит Гиоргадзе: “сброд” есть в любом народе! А грузины, давшие России великих героев! Генерал ведь о будущем всех заботился, понимая, во что выльются военные действия. Но о нём — ни-че-го! Оказывается, даже вездесущий интернет можно обмануть, скрыть информацию об одних и раздуть о других. Сколько мы знаем имён, по существу, предателей. А иных и чтим!

— Что делать? — продолжает полковник Петрачёв. — Принял на себя командование, я был тогда подполковником, второй заместитель командира дивизии. Танки задерживать больше не могу, здесь всё уже не наше! Мы в другом государстве! Людей надо вывозить в Россию: рядовой состав был весь отправлен, в части оставались только офицеры с семьями. Перевозить надо с вещами, всем скарбом нажитым. Колоннами. Прикинул: двадцать три колонны по двести-триста человек. А война в Абхазии набирает силу. Наказ генерала помню. Снова вызываю командира танкового полка. Говорю: “Танки мы передаём. Но грузинские танкисты давно не водили танков, потеряли квалификацию. — Что Вы, Александр Николаевич, — он мне отвечает, — грузины всегда были хорошими водителями. Они же на тракторах землю обрабатывают, у них навык. — Да какие сейчас трактора, никто на тракторах-то не работает. Потеряли навык. — Понял”, — говорит он. Передаём танки. Первый же ушёл в горный обрыв: водитель с управлением не справился. Второй “закипел”. Третий загорелся. И так до Абхазии из девяноста танков дошли двадцать семь! И те практически не смогли принимать участие в боевых действиях из-за поломок. У нас техники-то, ребята, были очень хорошими!

Петрачёв и сейчас мысленно с теми ребятами, хорошими!

— Передали всё оружие, — возвращается он к теме, с которой начал рассказ. — Я только себе оставил пистолет и гранату, но не для того, чтобы отстреливаться, — бандформирования были тогда по всей Грузии! — а для того, чтобы, если доведётся, не сдаться в плен. Взорвать себя или застрелиться. Собираем одну колонну, другую... И вот является с вооружёнными бандитами этот самый майор, который ещё недавно поднимал рог за дружбу народов, наставляет автомат. Грабить пришёл своих же сослуживцев! И вместо тостов: “Я вашу маму, вашу Россию...” И прочее! Понимаешь? Вот так же, как с тобой, с ним сидели! Братались!.. Рука дрогнула: выхватить пистолет, положить, и будь что будет! Но — семьи офицеров, женщины, дети... Всё же на мне! Вывернул карманы, достал деньги, какие были: “На, бери, людей только не тронь...”

Рассказом о дальнейшем эпизоде бою навлечь на моего друга, а заодно и на меня как автора этих строк обвинения в национализме или что-нибудь в этом роде, но “истина дороже”. Со мной по соседству, в посёлке Литфонда, жил сосед Гиви, муж коменданта и работник. Породистый красивый грузин, размеренный, мудрый. На общие праздники он неизменно жарил шашлык (меня научил этому делу), хотя сам никогда не ел: возьмёт кусочек для приличия и так и просидит над ним. Не часто, но иногда пел: грустно, при глуховатом

голосе – неожиданно трубно, слыша, зная, там, внутри себя, горное эхо. Приехал он в Москву в августе 1991 года на экскаваторе с длинным хоботом. И надо же было так совпасть, что, похоронив в трудную годину жену, отправился Гиви из Грузии при СССР, а прибыл в столицу, когда пал ГКЧП, и Нерушимый дал очевидные трещины. Так и остался Гиви здесь, встретив сердобольную русскую женщину. И экскаватор с поднятой стрелой ещё долго стоял в нашем посёлке фаллическим символом. С Гиви мы пережили время, когда у Литфонда не было средств содержать посёлок, котельная среди зимы перестала работать, вся отопительная система была “разморожена”, и мы, как могли, спасали свой “спальный корпус”: старый деревянный дом постройки 1935 года.

Как-то ко мне приехал Петрачёв. Гиви стоял у входа в дом, курил страшно крепкие вонючие сигареты – мужские! И я, естественно, сделал движение, чтобы познать хороших людей. Полковник резко кивнул в знак приветствия и быстро прошёл мимо, не подав руки.

– Прости, – сказал, войдя в квартиру. – Я понимаю, может, он очень хороший человек. Находились такие, когда выходили колонной, кто хотел помочь! Сочувствовали: помочь-то было невозможно, расстреливали! Но, – с силой прижал полковник Петрачёв ладонь к груди, – не могу!

Он не раз мне рассказывал о том, как доверял афганцам: если тебя пригласили в аул гостем, хозяева сами скорее умрут, но тебя не сдадут. Говорил он это и про таджиков, азербайджанцев, правда, из аулов, живущих сельским трудом. Какие они трудолюбивые и как умеют довольствоваться малым. Выходило, говорил хорошо о мусульманах, а христианскому народу, единоверцам, в человеческой надёжности отказал.

Но, может быть, дело во времени и ситуации: за русским солдатом прежде была великая страна, и его не разоружало собственное командование.

Уместно вспомнить свидетельство Л. Н. Гумилёва, который писал, что в тюрьме люди объединялись, прежде всего, по национальному признаку, и только русские не сбивались в стаю и могли оказаться в среде самых разных народов.

За годы дружбы я вошёл в круг “воинского товарищества” неутомимого полковника Петрачёва.

Однажды на записи радиопрограммы “Национальный герой” один за другим оказались два мужественных человека: актёр, исполняющий роли суперменов, и отставной генерал. Актёр приехал на громдном джипе, сидел в студии, живо, с напором рассказывал об участии в опасных трюках, в поединках единоборцев, которыми в 90-е также приходилось и зарабатывать на жизнь: плечистый, рельефный, увешанный цепями из ценного металла, крутой. А следом пришёл бывший разведчик спецназа, генерал-майор. Тоже с очень крепкими плечами, но в старой одежонке, тихий. С улыбкой, как о пустячных случаях, забавлял историями о том, как его однажды в бою подкинуло и перевернуло, он думал, что оторвало ногу, а пуля попала в каблук! Другой раз, в рукопашной, он упал, и на него рухнул противник. Генерал, тогда ещё майор, перевёл врага на боковую, глядит, а это уже убитый... Он участвовал в шестидесяти семи боях, был тяжело ранен. И я ему взялся, было, сочувствовать. “У меня кавказские корни, – пояснил генерал. – С семнадцатого века – все мужчины в роду были офицерами. Я в юности бредил войной. И когда меня ранили, я плакал, но не потому, что могу остаться увечным. А потому, что не смогу больше воевать...” В студии стол рояль. Боевой генерал подсел к нему, заиграл, негромко напел песню про будни спецназа. Ушёл пешком, прихрамывая. Напоминая мне героя повести “Полковнику никто не пишет”. Орденосный разведчик спецназа генерал Александр Чубаров.

В 90-е генерал Александр Сергеевич Чубаров был в Таджикистане. Жестокость, творившаяся там в межнациональных и междоусобных противоречиях, относит нас просто к раннему Средневековью: “Живым людям пробивали ломом грудину и заливали авиационным керосином... Вот такая азиатчина. На той войне зверств вообще было много. И с той, и с другой стороны. Я своими глазами видел груды растерзанных трупов. Причём резали, не глядя на пол и возраст. Женщин любого возраста насиловали, резали, трупы бросали в арыки. Детей тоже не миловали. Короче, вырезали семьями и аулами. Я видел в одном городе бассейн, заполненный телами”, – говорит в статье “Моя война” генерал Чубаров. Или ещё вот такой эпизод, коего ему довелось быть свидетелем: “В его отряде была некая Жанна – колоритная деваха, вечно за рулём “КамАЗа”. На моих глазах она застрелила из автомата шестилетнего пацана

за то, что мальчик не понял или неаккуратно исполнил какое-то её указание. Вот так вот — вскинула автомат и как даст очередь по ребёнку! Я был в шоке! Лежит этот мёртвый мальчишка в луже крови, орут люди, стоит Жанна с “калашом”. Я её спрашиваю: “Ты чего натворила? А она мне: “На всё воля Аллаха!” И в то же время Александр Чубаров с большим почтением отзывается о людях Востока: “Под Мусакалой в конце ряда лавок идёт перестрелка. Солдаты даже высунуться не рискуют. Но, слава Богу, гранатомёты не работают ни с той, ни с другой стороны. Рядом сидит — дервиш ли это, не знаю. Самоуглублённый человек на коврике. И иногда только посохом грозит то тем, то этим. Вот такую сцену я наблюдал в бинокль с расстояния 350–400 метров. Слава Богу, пуля его не задела”. Преклоняется он перед встреченным на военных тропах шестидесятилетним, по словам долгожителя, мудрецом-узбеком: “В его глазах — вечность”.

Для Петрачёва Чубаров был и остаётся первым командиром, под началом которого он участвовал в военных действиях: бок о бок исполняли интернациональный долг в республике Афганистан.

И каждый раз, встречаясь с Александром Николаевичем и его бывшими однополчанами, — роман ли, сценарий ветвится во мне.

Кавказ. Горный распадок, стремительная река. Красота! Вооружённые бандиты воруют женщину с ребёнком. Требуют выкуп. Командир, отстранив рвущегося в бой главу семейства, молодого лейтенанта, сам идёт на переговоры. Выдерживает мнимый расстрел. Жертвует техникой, освобождает женщину и ребёнка. Вернувшийся из “самоволки” сержант ещё не знает, что оружейный склад уже не принадлежит российским войскам, вступает в доблестный бой с грабителями его мародёрами, убив двоих. Парня бы к награде, но он на территории другого государства, российский генералитет отдаёт приказ о передаче “защитника” местной прокуратуре. Смертный приговор. Правда, “все на продажу”: за “мзду” парня можно выкупить. Вот офицер, который, видя ситуацию, решает сам, на своей машине окольными путями увезти семью. На дороге его останавливают якобы для проверки документов, забирают машину, пожитки. Расстреливают всех, вместе с детьми, на обочине. А вот пара влюблённых: она грузинка, военная медсестра, он абхазец, российский офицер. Грузино-абхазский конфликт выливается в войну. Грузинская родня против связи с абхазцем. “Не могу”, — отвечает офицер на предложение остаться в грузинской армии. Он верен присяге и собирается служить России. Девушка сначала решает уйти вместе с “русскими”, но у границы, она произносит те же простые и страшные слова: “Не могу”. Понятно, что недавние влюблённые скоро встретятся на тропе войны. А колонна российских военных — 23-я, последняя из дислоцировавшейся в Ахалцихе дивизии, — сопровождаемая мародёрами, больше похожая на колонну военнопленных, входит в Рокский тоннель. Ещё недавно тоннель мирно соединял союзные республики единой страны, а теперь народ Южной и Северной Осетии оказался по разные стороны государственной границы, и ушлые люди под высокими предложениями борьбы за национальные или демократические ценности в неразберихе творили произвол.

— Входим в тоннель, — всё не проходит недоумение у Саши Петрачёва, — а он где-то четыре километра, и уже бесхозный: раньше-то был советским с соответственным финансированием. А к этому времени вроде и не российский, и не грузинский. Вентиляцию всю растащили, газы выхлопные скапливаются, гарь. Повязку марлевую надеваешь — она чёрная делается! Но движемся, все радуются, ну, час-полчаса и дома, в России! Приближаемся к выходу, а света с обратной стороны нет! Выход заложен бетонными блоками! Решение Верховного Совета республики: забаррикадировать выход из Грузии в качестве защиты от бандформирований! У Южной Осетии было двойное положение: народ проголосовал за независимость, а фактически пока ещё это была Грузия. Там внутренние разборки между грузинами и осетинами были такие, что людей в землю заживо закапывали. А главные виновники, как всегда, русские! Назад — бандиты, впереди — перекрыто! А людям-то уже плохо, дышать нечем, обмороки! Семьи — человек триста народу! Куда? Обрато, там, как стервятники, бандиты ждут! Да и сами себя подавим, машины не развернёшь, темно! Пространство для пеших меж блоков есть, нашёл машину, до Владикавказа километров сто, на полном ходу, прямо к зданию Верховного Совета! Повезло: как раз шло заседание. Передал записку с просьбой выступить. Дали слово. Выхожу перед депутатами, а там мужики одни в зале, докладываю, мол, так и так, уверен, всё сразу поймут, откликнутся. Дадут команду снять ограждения. Председатель ставит вопрос на

голосование: лес рук против того, чтобы открыть дорогу! Глазам не верю! Чеку гранаты, что ли, снять?! Нет, думаю, что хотите, с трибуны не уйду! Давай по второму разу объяснять! У самого, прям, комок под горло, люди, дети, говорю, там сейчас, замурованы, считай, заживо! И вдруг поднимается женщина. И говорит: что же вы, мужчины, делаете? Я, говорит, еду к тоннелю! Кто со мной? И поднялось за ней ещё одиннадцать человек – всего получилось двенадцать! Поехали, дали команду растащить блоки, сами руками помогли!.. Жаль вот, вылетело из головы имя этой осетинки: помню, по дороге она говорила, что подруга Светланы Горячевой... Да она своё имя, наверное, и не назвала, а я не спросил: герои, они чаще всего безымянные... Вышли мы! Там вначале ещё горная местность, а ближе к Владикавказу более равнинная. Россия! Люди плакали от счастья! А во Владикавказе я на радостях решил другу позвонить, тоже подполковнику. Он под Читой служил. Нашёл телефон, звоню, говорю, вот, мол, мы тут какие страсти переживаем, пока ты там, на Дальнем Востоке, прохлаждаешься. И вдруг такая пауза, и голос такой тихий, тихий: “Я солдат комбикормом кормлю, со свинофермы...”

Когда русский солдат, награждённый боевыми орденами, оказывался “виноватым” у других, это ещё куда ни шло. Но когда он оказался не в чести, поруган, выставлен на улице своими – этот разговор пережить непросто! Многие бывалые воины-интернационалисты признавались мне, что в девяностые подумывали о самоубийстве. Был и демобилизованный воин-интернационалист, друг детства, который это свершил. Какой ты офицер в стране, где солдаты побираются на улицах? Где, по словам президента, сошедшие “с конвейера” танки сразу же отправляют на переплавку, чтобы выпускать кастроули? Где жёны бросают мужей, потому что само слово “военный” звучит как “отброс общества”?! Остался тогда без “спутницы жизни” и пылкий Саша Петрачёв: тоже, было, выходил на балкон высотного дома, думал надеть парадную форму, повесить на грудь свои четыре ордена и... ясным соколом!..

Александр Николаевич со своим опытом скоро стране потребовался. Направили его в Чеченскую республику. Про чеченцев он отзывался высоко: это особый народ. С ним никто не может воевать. Кроме русского Вани: он с виду, может быть, и робок, и недотёпа. Но поставил его в строй, дал винтовку, он прёт и прёт! И настоящие чеченцы этого Ваню уважают. Полковник Петрачёв стал заместителем командующего знаменитой пятьдесят восьмой армии. Генеральская должность! Было бы и звание. Но в те времена мэром Москвы открыто предложил “систему, при которой чиновник легально получает не взятку, а процент прибыли...” Прейскурант цен на получение должностей и званий тогда открыто публиковали в прессе, конкретные суммы называли депутаты... Генеральское звание, помнится, оценивалось в пятьсот тысяч долларов. Схема была проста: одни предлагали, другие одалживали деньги. Становится человек командиром части или, скажем, руководителем департамента, два года он “сотрудничает” с заимодавцами, чтобы отдать долги. Через два, если он рачительный и, по меркам времени, порядочный, то начинает работать. Чиновник военного ведомства запросил у воина, за плечами которого значилось присутствие буквально во всех “горячих точках”, весьма условную мзду за генеральское звание: пять тысяч у.е.

– По уму бы, – посмеивается Петрачёв, – отдать эти пять тысяч, и в дамках. Но тогда меня всего перевернуло: как это я, боевой офицер, буду платить деньги за звание?! Я на войне, под моим подчинением пятьдесят тысяч человек! Я же его заслужил!

Так Петрачёв и уволился в запас полковником. Я ему прибавил “звёздочку”, называя “неутомимым полковником!”

Люди и нормы меняются быстро со сменой общественных приоритетов. Стал президентом страны военный человек: звание “военный” теперь в чести. Молодые люди уже не торопятся “закосить” от армии, в военкоматах – очередь из офицеров запаса, чтобы снова пойти служить! Конечно, и президент из рядов офицерства появился не случайно. В конце 90-х демобилизовавшиеся военные остро осознали, что способность к общественному контролю существует не только у криминала или недавних комсомольских работников. Воинское товарищество куда более сплочено, испытано, способно решать не только боевые, но и экономические, управленческие задачи на уровне страны.

Александр Петрачёв стал работать в многоотраслевой компании с символическим названием “Гренадёры”, руководил которой полковник Владимир Иванович Гаврилов, невысокий, необыкновенно энергичный сибиряк, некогда

выведший из ангольских джунглей уже “похороненную” бригаду: тогда в Средиземном море был затоплен советский сухогруз, армия осталась без боеприпасов. Тропики были его “тоннелем”. В “Гренадѐрах” трудился и мой старинный друг, бывший военный переводчик Ваня Куницын, сын знаменитого академика. Иван из “тоннеля” так и не вышел: громадного, мощного мужика годы спустя “унесли” последствия приобретѐнной там же, в батальных джунглях, тропической малярии.

Свой “тоннель” в 90-х прожил каждый в России. Недавно мне довелось отвечать на вопрос анкеты: “Что для Вас является символом 90-х?” Я ответил: “Разросшиеся кладбища с надгробиями, на которых обозначены даты: в основном, 60-е, 70-е и даже 80-е годы рождения. Также разросшиеся “поля чудес”, как называют в народе появившиеся в наших городах и весях коттеджные посѐлки. В этих многоэтажных постройках часто никто не живѐт: иные так, наезжают, а то и просто хозяин не успел въехать, где-нибудь сложив головушку. Так что посѐлки эти тоже похожи на кладбища с безжизненными памятниками. И самый выразительный символ – улыбки реформаторов, которые в 90-е были не только руководителями кабинета министров, но центром общественного мнения. Постоянные, неизменные, так что кажется, возьми с одного, приклей к другому, и лицо не изменится”.

В начале 90-х я жил в г. Электростали Московской области. Городок сталеваров, особо почитаемой и высокооплачиваемой касты среди рабочих. Помню день объявленной “либерализации”. Цены в одно утро подскочили... в десять раз! Подхожу к магазину, а люди такие плавающие выходят. Абсолютно безмолвные! Повысились бы цены в два раза, уверен, возмутились бы, роптали! А здесь – шок! Всеобщий шок! Сон ли, явь ли? Автор идеи “либерализации”, не влезая “фейсом” в экран, объяснял в эфире центрального ТВ, мол, советские деньги были не подкреплены товаром, а теперь цена товара приведена в соответствие со стоимостью. В небольшом городе было две школы “Олимпийского резерва”: бокса и дзюдо. Отсюда выходили чемпионы, пополняли сборные страны. Моему сыну в 91-м было 16. И он уже имел звание кандидата в мастера спорта. В одночасье заводы встали. Более молодые, не успевшие привязаться к труду, жили тем, что воровали цветной металл, продавали, а такой заработок всегда сопряжѐн с пьянкой: перетасили, минуя или договорившись с охраной, перенервничали, а тут вдруг сразу такое “бабло” налом! Старшие, маститые, часто исполненные чувством производственного патриотизма, просто ходили теньями. Один из моих соседей, прежде уважаемый сталевар, скоро покончил с собой, оставив записку: “Прости, Рая. Не могу так больше жить”. Парадоксально, но эти же самые сталевары несколькими годами раньше стучали касками возле горкома партии, требуя демократических реформ и Е. Б. Н. к власти. Спортсмены, боксѐры и дзюдоисты, потерявшие востребованность, образовывали бандитские группировки, скоро начав делѐж города и постреливая друг друга почѐм зря! Многих из них, любя спорт, я близко знал: какие красавцы полегли! Мало того, что их не стало, многие не успели стать отцами, а те, кто успел, оставили сынов и дочек сиротами, жѐны потом деток тянули в одиночку, чаще всего уезжая на заработки в большие города, за границу. С детьми вертели бабушки. Мне, что называется, “на своей шкуре” пришлось пережить ситуацию, когда хорошо работал только один “отдел кадров” – криминального мира. Из двух десятков друзей сына, хорошо начинавших спортсменов, из 90-х в живых вышло четверо. Потери, вполне сравнимые с участием в большой войне. Да и из этой четвѐрки один так и пошѐл по тюрьмам, где так же бесследно сгинул. Остальные пережили суды, задержания. Всѐ, слава Богу, утряслось, все трое окончили институты, трудятся, имеют семьи, всѐ вроде бы хорошо. Но если “подранки” – подростки, пережившие Отечественную войну, – выходили из прошлого с торжеством победы над фашистскими захватчиками, то “подранки 90-х” вынесли из минувшего чувство национального поражения. Посмотрите пристальнее в глаза рождѐнного в 70-х – в них, в глубине, обязательная подраненность.

Бывшие воины-интернационалисты, сплошь имеющие инвалидность, стали не только зарабатывать, содержать семьи. “Гренадѐры” вложили средства в программу на телевидении, пытаясь менять содержимое “останкинского шприца”, но там, как в Закавказье-92, деньги растворились, концов не найдѐшь. Выпустили цикл радиопередач “Национальный герой”. Никто бы с таким названием тогда программу в эфире не дал бы даже за деньги, но директором радио “Подмосковье” стал также отставной полковник Н. И. Рязанов.

Была создана звуковая энциклопедия русской истории в лицах – более ста выпусков о выдающихся людях! Курировал выпуски Александр Николаевич, вместо пятидесяти тысяч воинов под его командованием был только я один, как автор и ведущий, и мне вполне довелось прочувствовать всю организаторскую мощь этого иногда, кажется, заполошного человека. “Если Петрачёву поставить задачу найти клад там, где его нет, он его обязательно найдёт”, – характеризовал неумолимого полковника один из боевых товарищей. И ведь как в воду смотрел – в буквальном смысле!

Сейчас Петрачёв в системе ДОСААФ занимается “поисковиками”: группы людей в свободное от основной работы время ищут оставшиеся в земле свидетельства войны.

– Представляешь! – рассказывает он наконец-то с радостью в глазах. – В тверском лесу нашли остов самолёта! Это же не тайга сибирская, сколько народу там прошло! Сохранившийся остов, а главное, останки и все документы лётчика! Оказалось, он числился в “без вести пропавших”! Нашли родственников, детей, внуков, они радёшеньки! Кто такой был “без вести пропавший” для официальных органов? Дезертир! На семье всю жизнь лежала эта печать! Оказалось, лётчик был награждён орденом! Но семье не вручили, потому что как же, а вдруг дезертир?! Сделали захоронение, вручили сыну орден!.. Люди совсем по-иному теперь в жизни будут себя ощущать. Дети, внуки героя!..

Он всё ещё её выводит, колонну 23, из тоннеля. Насквозь больной: все суставы разбиты от бесконечного десантирования на военном парашюте, дырка в желудке и кровь по сердцу течёт по своему усмотрению, пробываясь по закрытым клапанам, как по завалам. Среднего роста, подросткового сложения, бритый наголо. Трудно представить, что был квадратного сложения, вертел “солнышко” на турнике, бегал за армейскую сборную по биатлону. Был усат, чубат! Складный такой боевой офицер! Врачи, когда он увольнялся из армии, открыто дали ему на земные дела два года. Отведи, мол, душу... Но молодая женщина по имени Галя думала иначе: встала рядом, родила ему сына... И старшие двое, от первой жены, при нём, почитают отца.

Но поколение уходит. Или, скажем мягче, сходит с исторической сцены. Положение страны осложняется тем, что в деятельную жизнь вступает малочисленное поколение 90-х. Когда закрывались детские сады, потому что не хватало малых детей, в школы едва набирали по классу. Сейчас цены на недвижимость упали: причин много, но одна из них и та, что заселяться в новые квартиры должны молодые супруги 90-х годов рождения. А их несоразмерно мало! Как сказал тренер моей дочери, дагестанец, очень точно поставив общественный диагноз: “С 2005–2006 года пошли другие дети. Генетически здоровые. И их много”. Так что возрастание “человеческого фактора” – энергетический прорыв – будет к 2025 году. А пока...

“Тоннель” 90-х не отпускает нас. В культурологическом бытии мы просто всосаны в “мыло”. Ор на злободневные темы пикирующих “идейных противников” – тоже “мыло”: всё в мясорубку, всё на фарш!

И с горькой усмешкой мне остаётся ответить своему другу Саше Петрачёву: кому нужен роман или сценарий про твою “Колонну 23”? Или про строптивного генерала Алексея Воронина?! Даже напиши – кто его будет печатать? Или ставить? Коммерческие издательства первым делом проверят запрос на тему в интернете, а его нет. Это два года работы, а у меня дети малые! Поэтому и довольствуюсь лишь очерком, который, надеюсь, могут “поднять” патриотические, как повелось, безгонорарные издания. Оно как-то писателям платить стало не принято: у меня два фильма крутятся по экранам ТВ. Ни копейки. А станешь требовать, “вычеркнут из списков”, как командира “десятки” (так хоть для души утешение, что труд твой востребован). Выпуски моего “Национального героя” представляют собой на сегодня звуковую энциклопедию отечественной истории в лицах. Титанический труд! Предложил диски с готовой программой на один солидный радиоканал. Назвали сумму. Я, было, обрадовался: задарма был готов отдать, лишь бы без пользы не лежали! Оказывается, это с меня – “за раскрутку!” “Приносить лучше наличными”. Так что я, брат, пока со своей “23-й” из “тоннеля” не выбрался, не испытал, так сказать, полного катарсиса.